

Марк Захаров: «ЧАЩЕ УЛЫБАЙТЕСЬ, ГОСПОДА!»

Потому что все глупости на земле
делаются с серьезным выражением лица

Можно просто сказать — Ленком.

Можно — Марк Захаров.

А можно — фейерверк актерского мастерства.

Неповторимый мир в театральной истории России, который сотворили они, люди единой группы крови в искусстве. Он не овеян шумной славой Таганки или «Современника» просто потому, что никогда не был театром-«агитатором, горланом-главарем». Хотя был так же гоним цензурой и нелюбим властями. Но для большевизма таилась в нем даже большая опасность: Ленком терпеливо вел многолетний диалог со зрителем. Неспешная театральная речь бредила сознание, тревожила привычный покой. Мы как будто заново понимали, что самое ценное в жизни — жизнь. Самое прекрасное — любовь. Самое страшное — забыть, что такое честь, совесть, достоинство. Может, поэтому и сегодня, в общем, в сумрачное для искусства время, спектакли Ленкома идут при переполненных залах...

Марина Невзорова

Кто есть кто

Марк Анатольевич, вы всегда так ясно понимали и не раз ощущали на себе ханжество, ужас и двоедушные системы и вдруг в 85-м году поверили ей? Что подтолкнуло вас к политике? Надежда или возможность как-то повлиять на ход событий?

— Был «горбачевский» взрыв. Мы все оказались в лучах его и собственной эйфории. Все дали политический крен, и я — не исключение. Сейчас отхожу медленно и с трудом. Хотя и по сей день остаюсь в Президентском совете, работающем на общественных началах. Хоть и изредка, а встречаюсь там с людьми, которые интересны мне иным образом мышления, другим, неизвестным мне жизненным опытом. Что касается серьезной политической деятельности, которой я пытался заниматься, когда меня избрали народным депутатом СССР, то очень быстро понял: съезд не мо-

жет подменить профессиональный парламент. Что собрание это — уродливое и нежизнеспособное. Хотя там и был некий элитарный интеллектуальный круг. В Кремле я познакомился с Сахаровым. Но, в общем, там было душно от обилия непомерных амбиций, глупости, добрых мыслей и агрессивных поползновений. Очень захотелось домой, в театр.

— В поисках утраченного времени?

— Конечно. Если ума не хватило вовремя отсеять ненужное и победить свое природное актерское естество, которое вечно встраивает меня в разные действия. Борюсь с собой, но с переменным успехом. Иногда делаю глупости, о которых потом сожалею очень, но вообще, когда я считаю себя дураком, то радуюсь. Потому что одно из режиссерских заболеваний — излишне уважительное, даже мессианское отношение к самому себе: ты пришел, чтобы перекроить искусство, принести такое слово, которое люди не слышали. Любая залетевшая тебе в голову мысль — истина в конечной инстанции.

(Окончание на 7-й стр.).

«ЧАЩЕ УЛЫБАЙТЕСЬ, ГОСПОДА!»

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

— Хорошо, не как мессия, но просто человек, профессионально чувствующий внутреннюю драматургию происходящего, скажите, что же значат все эти годы?

— Тяжелейшие, кровавые, временами неуклюжие попытки вернуться в лоно мировой цивилизации, желание отказаться от имперских амбиций и иждивенческой психологии. Мучительные усилия осознать, что есть демократия, свобода и собственность. Пока не удалось ни то, ни другое, ни третье. Если упростить, то нормального перехода от чудовищного тоталитарного, ленинско-сталинско-брежневского государства к нормальному гражданскому обществу, здоровой экономике у нас и не должно было получиться. Одних благих намерений никогда никому в мире не хватило: ни Японии, ни Германии, ни Южной Корее. Увы, требовалось силовое прикрытие. Особенно на первой стадии. Всегда в определенный исторический момент появлялся человек, который брал на себя ответственность вычистить «авгиевы конюшни», ликвидировать анархию и хаос не всегда популярными, может быть, даже жесткими административными методами и заложить таким образом фундамент для демократического развития. У нас эта неблагодарная роль, как мне кажется, могла бы выпасть на долю Бориса Николаевича Ельцина. Я лично сторонник того, чтобы был переходный, строго обозначенный по времени период, скажем, условно «президентского правления», с четко отработанной правовой базой и профессиональным парламентом, которого мы пока не имеем.

— Помните, у Кафки есть такая притча? Человека спрашивают: «Ты куда идешь?» — «Отсюда». — «Ты идешь туда?» — «Нет, отсюда». — «Но у тебя там есть какая-то цель?» — «Нет, я просто иду отсюда». Почти про нас.

— Да, я думаю, что шквал негативных эмоций, которые, как всегда, захлестывают нас, не только мешает точно определить цель, но даже мешает элементарному — отделить зерна от плевел. А ведь на самом деле произошли малозаметные, но существенные перемены, заложены реальные предпосылки движения по пути мировой цивилизации, от которой мы так отстали, отбились, отгораживаясь железным занавесом. Временами всеми овладевает паническое настроение, мной — тоже. Но потом, остыв, я думаю, что это наш, уже известный, российский многогранный путь. Он всегда был мучительным, потому что мы народ — негосударственный, незаконопослушный. Недавно был в Доме кино на митинге-концерте в поддержку президента и вспомнил слова древнего историка о том, как буйный нрав новгородцев несколько раз изгонял святого князя Александра Невского и призывал обратно, когда городу грозила беда. Этот буйный нрав, нигилизм, заложенный в наших душах, неумение отделить свободу от вольности, ведущее к правовому беспределу, страшно нам мешают.

По-моему, сегодня задача номер один: остановить или хотя бы замедлить люмпенизацию общества, сделать привлекательной не только торговлю деньгами, но и частное предпринимательство. Человеческого, умеющего созидать материальные ценности, душат непомерными налогами, мелкий и средний бизнес подрывается на корню. То ли от недостатка ума, то ли из-за нашей дурной наследственности.

Мешает и неумение честно и выгодно взаимодействовать с остальным миром. И, конечно, наши вечные комплексы. Славы всегда относились к иностранцам с подозрением. Вот и сейчас многие кричат о распродаже отечества. Мне же кажется, что серьезное, так хорошо освоенное коммунистическим Китаем, целенаправленное привлечение западного интеллекта могло бы сыграть не

Марк Захаров.

Фото Дмитрия Борко
последнюю роль в решении и наших проблем. Не говоря уж о сохранении своего собственного. Мы так ужасающе оскудели за эти годы. Я постоянно испытываю горечь, когда вижу, сколько по всему миру разбросано талантливых россиян. И список этот множится.

— Может, мы сами отравляем себе жизнь, ибо «там, где пьет толпа, родники отравлены». Помоему, мы так и не перестали быть толпой.

— Единой, монолитной у нас уже нет, просто она распалась на несколько, поменьше, но таких же единых. Что, по сути, даже страшнее. У некоторых неприятный оскал. Я заставляю себя не то чтобы полюбить этих людей, но хотя бы отнестись к ним нейтрально, потому что понимаю: у нас в стране 70 миллионов стариков. Они, вообще-то, ни в чем не виноваты, кроме честного служения бредовой утопической идее. Молох светлого грядущего сожрал их молодость, идеалы, веру. Но если отвлечься от сочувствия, надо признать, что, вновь присягая на верность Сталину — Ленину, они нагнетают опасное противостояние в обществе. И потому, еще раз повторяю, я — сторонник временных устрашающих законов по борьбе с преступностью и правовым беспределом. Честно говоря, я с удивлением обнаруживаю, что скатываюсь к весьма консервативным, ретроградным суждениям, которые никогда не были мне свойственны.

Большевистское воспитание ни для кого не прошло бесследно. Нужно быть Сахаровым, Якуниным, Буковским, Ковалевым, чтобы остаться абсолютно здоровым и свободным человеком. В своем большинстве мы люди с плохим образованием и изуродованными мозгами. Наш круглосуточный солнечный оптимизм — тоже следствие семидесятилетней идеологической деформации. А ведь история доказала, что гибли и исчезали с лица Земли великие народы и цивилизации. И поэтому утверждать, что нам просто на роду написано остаться великой нацией на всю последующую жизнь, я бы поостерегся, хотя бы потому, что некоторые данные по уменьшению рождаемости, сокращению продолжительности жизни в России вселяют большую тревогу. Наверное, не надо так уж обожествлять нашу мощь и неистовую силу, хотя я как патриот считаю наш народ великим и усматриваю особую роль России в мировой истории и особенно в мировой культуре.

— Видимо, наша неиссякаемая вера держится на том, что Россия многое повидала и выжила. Но держалась-то она всегда на трех столпах: самодержавии, православии, народности. На что ей, матушке, сегодня опереться?

— Трудно сказать. Однажды на Президентском совете я говорил, что мы без идеологии и пропаганды жить не можем. Замечательно писал Бердяев: нельзя сказать солдату — пойди и умри за то, чтобы вон тот холмик стал нашим. Он не сдвинется с места. А если

за веру, царя, Отечество — пойдет и умрет. Без хорошо разработанной национальной идеи мы слабы и беззащитны. Мы народ, который обязательно должен быть на что-то запрограммирован. Мы не привыкли отвечать сами за себя. И отсюда — наше вечное «авось». И отсюда — ощущение, что мы все под теплым одеялом, и беспокоиться нам особенно нечего, потому что Бог с нами и за нас против католиков и других иноверцев. В этом тоже некая ущербность нашего менталитета.

— Марк Анатольевич, не напоминают ли вам взаимоотношения нашего народа с властью «дружбу» Фигаро с графом Альмавивой?

— Нет, Фигаро дорожил своей честью и независимостью. У нас же часто проявляется холопское мироощущение. Мы теряем доверие к человеку, который становится руководителем. Мы не верим начальству и не любим его. Нас просил об этом еще единственный любимый Лениным Чернышевский. Показательный пример с Николаем Губенко, которому все в основном симпатизировали, но, как только он стал министром, сразу стали с ухмылкой относиться к любым его суждениям и поступкам. Недоверие к начальству, с одной стороны, с другой — холопская трусость. Если есть возможность сблизиться с начальством, нырнуть под его крылышко, попользоваться его благодеяниями, тут мы готовы на животе ползти. Это у нас врожденное. Говорят, даже Станиславский одинаково волновался, когда в театр приходил Великий князь или Ворошилов. Чувство независимости от власти нам несвойственно. Хотя мы ее поносим, издеваемся над ней и не доверяем. Так уж мы устроены.

— Год назад мы с вами говорили, что главное — убить дракона в себе, то есть победить рабскую угодническую психологию. Не кажется ли вам, что мы избрали облегченный вариант: не убили, а приручили?

— Спасибо. Очень полезная мысль. Мне это в голову не приходило... Не выдавали из себя по капле раба, а воссоздали из этих капель дракончика, который помогает жить. Страшноватая штука! Мы ведь никак не можем смириться с появлением людей так называемого третьего сословия. Оттого что они живут лучше, мы всех их поголовно считаем ворами. И наш прирученный дракон исподволь готовится к атаке на людей, которые не соответствуют общинно-уравнительно-иждивенческим традициям феодального социализма. Еще один интересный пример. Распространенное заболевание — язва. Так вот, оказывается, что язва желудка возникает у людей, которые считают: во всем виновата окружающая среда, весь мир, а я иду правильным путем, говорю правду, но мне мешают, затыкают рот. А язва луковицы двенадцатиперстной кишки — у людей, мыслящих прямо противоположно: во всем виноват один я, все правы, а я не вписываюсь. Любопытно, как сейчас развивается динамика этих заболеваний?

— Что ж, последуем совету барона Мюнхгаузена из вашего фильма: «Чаще улыбайтесь, господа! Серьезное лицо — еще не признак ума. Все глупости на Земле делаются именно с этим выражением».

— Да и для здоровья полезно. Тем более что не все еще потеряны надежды, во всяком случае — для искусства. Истинные шедевры почти всегда рождались в вулканических зонах. «Сто лет одиночества», роман века, Маркес написал в полуфеодалной стране. Наш серебряный век — время, прямо скажем, подвергавшееся еще недавно злобным нападкам, а, по существу, оплодотворившее мировое искусство. «И все так же, не проше, век наш пробует нас». Может, мы и не подведем его, выстоим, выкарабкаемся и поумнеем.

Захаров Марк

3.04.93